

модель выдвигается в качестве универсальной для выражения агентивности, объединяя и абстрагируя частные дифференцирующие значения. Это позволяет поставить ее в центр деривационного поля агентивности.

Построение деривационных полей и рядов, их типология в различных языках позволяют решить не только теоретические задачи: представить системность лексики в соотношении с синтаксической системностью, определить и прогнозировать семантику производных единиц, выявить коммуникативную обусловленность выбора варианта единицы номинации, но могут обеспечить и практические потребности унификации словарных дефиниций, выбора номинационного эквивалента при переводе.

¹ См.: Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. Минск, 1985.

² См.: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 38; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1980. Т. 1. С. 143.

³ Кубрякова Е. С. Теория мотивации и определение степеней мотивированности производного слова // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1976. Вып. 2. Т. 174. С. 286.

⁴ См.: Караичева Т. В. Синтаксическая деривация конструкций с ядром — от глагольным именем деятеля // Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1977. Вып. 3.

А. К. КИКЛЕВИЧ

КАТЕГОРИЯ АБСТРАКТНОСТИ / КОНКРЕТНОСТИ И ОДУШЕВЛЕННОСТИ/НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ (на материале польского языка)

Одна из наиболее общих тенденций развития теории и практики современной лингвистической таксономии — переход от классификаций дискретного типа, базирующихся на дихотомическом критерии формальной логики «или — или», к «естественным» классификациям, генеральная стратегия которых осуществляется по принципу диалектической логики «и — и» и, в частности, находит проявление в преимущественном внимании «к пограничным случаям, которые не могут быть с уверенностью помещены по ту или иную сторону рассматриваемой границы»¹. Причины, лежащие в основе названного процесса, следует, видимо, искать в изменении общей парадигмы лингвистической науки, в частности, в широком распространении исследований функционального характера; «в настоящее время... мы столкнулись с необходимостью не только обратиться к характеристике функциональных аспектов грамматики языка, но и обогатить теорию языка за счет изучения речевой деятельности»².

Традиционное грамматическое описание регламентировало перечень грамматических категорий, значений, форм. Современные же лингвистические модели предполагают не только фиксацию иерархии классов грамматических явлений, но и описание их взаимодействия, взаимообусловленности для реализации главной функции языка — коммуникативной³.

Пионерскими в этом направлении были исследования лексико-грамматического характера, описывающие лексико-семантические ограничения на функционирование грамматических категорий, граммем и грамматических форм либо определяющие место грамматики в реализации систем лексических значений. Одним из наиболее общих результатов исследований этого типа был вывод о том, что грамматичность и лексичность выступают как градуальные свойства, а граница между классами грамматических и лексических явлений расплывчата: «грамматический строй языка имеет «полевую» структуру с максимально грамматикализованным ядром и лексико-грамматической периферией»⁴.

В данной работе предпринято подобного типа описание лексико-

грамматических категорий абстрактности/конкретности и одушевленности/неодушевленности современного польского языка. Определим предмет исследования. Категория одуш./неодуш. охватывает универсальное множество польских существительных, каждое из которых принадлежит либо к подмножеству имен, обладающих признаком одушевленности, либо к подмножеству имен, не обладающих данным признаком⁵. В оппозиции граммем одушевленности и неодушевленности первая является исходной, положительно определенной; соответствие между одушевленностью и значением синтаксического субъекта, на которое указывал Р. Якобсон⁶, сыграло решающую роль при зарождении категории одуш./неодуш., в основе которой лежало противопоставление класса имен со значением потенциального субъекта и класса имен без этого значения.

В рамках категории абстр./конкр. противопоставляются подкласс слов, содержащих признак абстрактности, и подкласс слов, не содержащих этого признака. Конкретные существительные, «денотация которых отлична от сигнификации»⁷, удовлетворяют условиям типичного наименования⁸ и в силу этого выступают как типичные, беспризнаковые имена. Абстрактные же существительные являются именами особого типа — пропозициональными (или, по О. Есперсену, нексусными) словами: они обозначают атрибуты, качества, свойства предметов и даже предикативные связи между ними⁹. Типичная схема представления картины номинации в виде семантического треугольника применительно к абстрактным именам «не работает»: денотат сливается с сигнификатом, а существительное становится именем понятия¹⁰.

По совокупности признаков одушевленности и абстрактности, которые в каждой из рассматриваемых категорий являются положительно определенными, установим три класса слов: 1) одушевленные неабстрактные (для удобства будем их называть одушевленными конкретными), 2) неодушевленные неабстрактные (неодушевленными конкретными), 3) неодушевленные абстрактные. Граммемы одушевленности и абстрактности исключают друг друга в пределах одной и той же лексемы, поэтому четвертый класс, который составили бы одушевленные абстрактные существительные, невозможен. Не подлежит сомнению, что категории абстр./конкр. и одуш./неодуш. каким-то образом взаимосвязаны, взаимосоотнесены. Учитывая, что значения одушевленности и неодушевленности выделяются в рамках значения конкретности, а значения абстрактности и конкретности — в рамках значения неодушевленности, можно предполагать, что указанная взаимосвязь рассматриваемых категорий имеет характер иерархии. Определение структуры этой иерархии — задача данного исследования.

Сделанные исходные замечания послужили основанием для психолингвистического описания категорий абстр./конкр. и одуш./неодуш. в аспекте их функционирования, а точнее, с точки зрения их дистрибуции. В качестве дистрибутивного полигона была выбрана сочинительная синтагма. Эксперимент носил направленный ассоциативный характер. Испытуемым (учащимся польских лицеев в возрасте 15—16 лет, общее количество — 200 человек) предлагались 12 сочетаний типа «*żołnierz i...*», «*okno i...*», «*wygoda i...*». В задании предлагалось: «Поставьте в данные сочетания вместо многоточия какое-либо слово». Полнозначный компонент словосочетания именовался стимулом, вписываемое испытуемым слово — реакцией (или ассоциацией). Список стимулов составили три группы случайно выбранных лексем трех различных классов: одушевленные конкретные (ОК) — *król*, *ksiądz*, *złodziej*, *żołnierz*; неодушевленные конкретные (НК) — *góra*, *młotek*, *pożyse*, *okno*; неодушевленные абстрактные (НА) — *kłopot*, *ramięc*, *sprawiedliwość*, *wygoda*. В результате эксперимента было получено около 2400 реакций.

В качестве одной из дистрибутивных характеристик использовалось понятие плотности (или веса, по терминологии других ученых¹¹) протокола, которое количественно определялось как отношение величины

словника (т. е. числа разных реакций на тот или иной стимул) к числу всех словоупотреблений в рамках данного протокола.

Другой дистрибутивной характеристикой явилось число реакций, удовлетворяющих принципу логической соподчиненности со стимулом. Логически соподчиненными со стимулом определялись реакции, выступающие по отношению к стимулу как единицы одного и того же уровня гиперонимической иерархии, т. е. как видовые понятия в пределах одного рода (реакции *kowadło*, *piła*, *szczupce* и т. п. на стимул *młotek*). Все остальные реакции, в том числе находящиеся к стимулу в отношении «часть — целое», «предмет — признак» и т. п., определялись как логически несоподчиненные со стимулом (реакции *kowal*, *żelazo*, *uderzenie* и т. п. на тот же стимул *młotek*).

Оба показателя сочетаемости являются важными параметрами протокола: первый из них свидетельствует о степени устойчивости направленной ассоциации, второй — о степени ее семантической однородности. Для того чтобы стало возможным установить связь между тем или иным дистрибутивным признаком (каждый из которых имеет количественное измерение) и типом (ОК, НК или НА) стимулирующей лексемы, необходимо придать показателям типов числовое значение.

Таблица 1

стимул	реакция		
	ОК	НК	НА
ОК	69	67	62
НК	9	150	39
НА	7	31	158

Для каждого типа стимула рассчитаем среднее количество ОК-, НК- и НА-реакций (см. таблицу 1).

Используя данные таблицы 1, количественно определим ОК-стимул. Средняя величина однородных стимулу реакций в данном случае является наименьшей по сравнению с аналогичными реакциями на НК- и НА-стимулы: 69 против 150 и 158. С помощью специального *t*-критерия определим, что данное различие статистически досто-

верно (так, различие $M_{ОК}=69$ и $M_{НК}=150$ значимо: $t=5,98$ при уровне значимости 0,995). Следовательно, принадлежность лексемы к типу ОК определяется вероятностно низким числом реакций того же типа, что и стимул.

Установим соответствие между рядом величин, представляющих число реакций того же класса, что и стимул, и рядом величин логически соподчиненных реакций. Коэффициент корреляции +0,66 свидетельствует о наличии между данными рядами статистически достоверного положительного соответствия. Из этого факта следует вывод: реакции на ОК-стимул носят вероятностно-статистический несоподчиненный характер (т. е. принадлежат к разным парадигматическим лексико-семантическим классам), реакции же на НК- и НА-стимулы преимущественно удовлетворяют требованию логической соподчиненности со стимулом.

Установим количественную специфику НК-стимула. Количество НК-реакций на НК-стимул значительно выше, чем число реакций этого же типа на ОК- и НА-стимулы (150 против 67 и 31). Данное различие средних статистически значимо (что определяется с использованием уже упоминавшегося *t*-критерия).

Вычислим степень корреляции между рядом величин НК-реакций для каждого типа стимула и рядом величин плотности каждого протокола. Высокий отрицательный коэффициент корреляции -0,91 позволяет трансформировать количественные данные обратно в качественные: лексемы типа НК вероятностно-статистически стимулируют протоколы с низкой плотностью, т. е. процесс ассоциирования носит в данном случае устойчивый характер. Лексемы типов ОК и НА стимулируют протоколы с высокой плотностью, а процесс ассоциирования в этом случае неустойчив.

Качественные дистрибутивные свойства, соответствующие каждому типу стимулирующей лексемы, представлены в таблице 2.

Таблица 2

сти- мул	дистрибутивное свойство	
	устойчивость	однородность
ОК	—	—
НК	+	+
НА	—	+

Поскольку, как следует из таблицы 2, класс НА-лексем по своим дистрибутивным свойствам занимает промежуточное положение между классами ОК- и НК-лексем, а лексемы типов ОК и НК, содержащие граммему конкретности, не имеют общих дистрибутивных признаков, то можно заключить, что граммема конкретности выступает как функционально нерелевантная. Аналогичный вывод вытекает из сопоставления каждой из четырех рассматриваемых граммем с дистрибутивными признаками устойчивости и однородности (характер этого соответствия устанавливается на основании данных таблицы 2): одушевленность — неустойчивость, неоднородность; неодушевленность — устойчивость, однородность; абстрактность — неустойчивость, однородность; конкретность — устойчивость, неоднородность. Как видим, конкретность предполагает такую комбинацию свойств устойчивости и однородности, которая, судя по таблице 2, не подтверждается фактами речевой реальности.

Наконец, то же сопоставление показывает, что для лексем ОК-типа доминирующей является граммема одушевленности, для лексем НК-типа — граммема неодушевленности, для лексем НА-типа — граммема абстрактности. Граммема же конкретности оказывается функционально избыточной.

Чтобы дать объяснение установленным фактам, необходимо признать, что категории абстр./конкр. и одуш./неодуш. в польском языке взаимосвязаны и в целом представляют иерархическую структуру, в которой категория одуш./неодуш. существует на фоне категории абстр./конкр., а граммема конкретности по отношению к граммемам одушевленности и неодушевленности выступает как род по отношению к видам (см. схему 1):

Этим и объясняется то, что в условиях речевой актуализации видовых граммем происходит нейтрализация родовой грамлемы, которая как бы растворяется в видовых.

Учитывая, что граммема конкретности в речевой деятельности практически не актуализируется, можно утверждать, что с функциональной точки зрения существует единая интегральная категория, представленная классами абстрактных, одушевленных и неодушевленных имен (см. схему 2):

В пределах данной категории класс абстрактных имен противопоставляется классам одушевленных и неодушевленных имен по признаку абстрактности, а класс одушевленных имен противопоставляется классу неодушевленных имен по признаку одушевленности. Аналогичного типа трехчленные морфологические структуры приводятся в «Грамматике современного польского языка»¹².

Проведенное исследование позволяет утверждать, что механизмы речевой деятельности трансформируют, а в отдельных случаях редуцируют, базовые структуры языка. Языковые категории и классы выступают в речевой деятельности в деформированном, точнее, в интегрированном виде. Грамматическая категориальность, предполагающая строгую организацию группировок языковых единиц по грамматическим признакам и дискретность грамматической системы в целом, до некото-

рого порогового уровня нейтрализуется за счет взаимопроникновения, взаимовлияния различных категорий и классов.

Система языка, таким образом, характеризуется неразрывной диалектической связью устойчивости и изменчивости: с одной стороны, она программирует речевую деятельность или, как писал Соссюр, вносит в речевую деятельность единство; с другой стороны, как указывал один из оппонентов Соссюра В. Н. Волошинов, в процессах производства и восприятия текстов «языковая форма важна не как устойчивый и себе равный сигнал, а как всегда изменчивый и гибкий знак»¹³. Все это свидетельствует о том, что наиболее приемлемым может быть признан такой подход к описанию языка, в рамках которого статический и динамический аспекты сочетались бы по принципу дополнительности.

¹ Лабов У. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14. С. 134.

² Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986. С. 7.

³ См.: Heinz A. Podstawowe zalozenia wspolczesnego jezykoznaostwa ogolnego // Biuletyn PTJ. 1968. Z. XXVI. S. 38.

⁴ Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С. 21.

⁵ См.: Klemensiewicz Z. Podstawowe wiadomosci z gramatyki jezyka polskiego. Warszawa, 1981. S. 49.

⁶ См.: Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 144—145, 160.

⁷ Льюис К. И. Виды значения // Семиотика. М., 1983. С. 214.

⁸ См.: Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка (семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М., 1985. С. 14.

⁹ См.: Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. С. 151—155.

¹⁰ См.: Льюис К. И. Указ. работа. С. 214; Степанов Ю. С. Указ. работа. С. 15—16.

¹¹ См.: Фрумкина Р. М., Миркин Б. Г. Семантика «конкретной» лексики: психолингвистический подход // ИАН ОЛЯ. 1986. Т. 45. № 1. С. 20.

¹² См.: Gramatyka wspolczesnego jezyka polskiego. Morfologia. 1984. S. 108.

¹³ Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929. С. 6.

Ю. В. ПОПОВ

ТЕКСТ КАК ЭМПИРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Текст, т. е. представленное в той или иной наблюдаемой форме речевое произведение, всегда служил и служит для языкознания эмпирическим объектом — той объективной данностью, с которой имеет дело лингвист. Однако различие подходов, целей, установок лингвистической работы приводит к принципиальным различиям в характере того теоретического знания, которое надстраивается над эмпирическим, базисным уровнем текста. Естественно, что действующая при этом методологическая рефлексия порождает и весьма различные представления о тексте как эмпирическом объекте, отражающие разные стороны объективной реальности. Иными словами, различным оказывается и содержание науки о языке в целом. Поэтому рассмотрение с указанной точки зрения лингвистических традиций и тенденций представляется плодотворным и особенно актуальным в наши дни, когда языкознание переживает период переоценки собственных приоритетов и поиска новых направлений развития. Попытка такого анализа предлагается в настоящей статье.

Для классического структурного языкознания, начиная с Ф. де Соссюра, эмпирический текст, несомненно, служил самым традиционным образом — в качестве текстового материала или, если угодно, репрезентации языкового материала в речевой деятельности. Такой подход не предполагает взгляд на текст как на самостоятельную сущность, «вещество» текста рассматривается не на молекулярном, а на атомарном уровне. Поэтому сам текст (в классической системоструктурной тради-